

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник–четверг 9.00-20.00
Суббота, воскресенье 12.00-20.00
Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

Науке - ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Ученые Воронежской области активно участвуют в научно-исследовательской работе. Учитывая важность научных инноваций для развития различных отраслей промышленности, охраны окружающей среды, повышения плодородия почв и решения других проблем области, администрация области изыскивает возможности поддержки вузовской науки.

Как нам сообщили начальник отдела науки и инновации управления профессионального образования и науки администрации области доктор технических наук, профессор Ю.Г.Зеленин, совместно с Российским фондом фундаментальных исследований был объявлен региональный конкурс, победителями которого стали 11 научных проектов вузов Воронежской области. На сегодняшний день администрация области выделила на финансирование данных проектов 395.000 руб.

В рамках федеральной целевой программы

«Интеграция науки и высшего образования России на 2001-2005 годы» вузы Воронежской области выполняют 16 научных проектов на общую сумму 2.640.000 руб., из них 1.860.000 руб. - средства, выделяемые администрацией области. В настоящее время администрации области на первом этапе поддержала наиболее значимые проекты на сумму 247.000 рублей.

По программе первоочередных мероприятий по энергосбережению в высших и средних профессиональных учебных заведениях Воронежской области выделено 98.000 руб.

Оформляется соглашение администрации Воронежской области с Российской гуманитарным научным фондом о паритетном финансировании научных проектов в области гуманитарных наук на общую сумму 1.500.000 руб.

И.ИНЦЕРТОВА

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.

Шингарев близко знался с графом Вите, почетным членом Петербургской академии наук, будущим председателем Комитета министров, главным разработчиком положений Столыпинской аграрной реформы.

- Ну, как у вас там, под Воронежем? — частенько любил повторять Сергей Ефимович Шингарев. — Держится мужик?

- Пока держится! — отвечал Шингарев.

Вите не был царедворцем, лыстцем трону, ни демагогом, лыстцем толпе. Принадлежка к столовому дворянству, он не защищал, однако, дворянских привилегий — главной государственной задачей стоял справедливое устройство крестьянской жизни.

- Общинное владение земли, — не раз подчеркивал граф, — есть примитивная форма владения. Только старьевщики исторического бытия русского народа горят стоят за это владение. Нельзя, мол, посягать на станичный русский уклад.

В беседах с Шингаревым Вите уважительно отзывался об этом чувстве любви к станице. Но нельзя, однако, жить одним чувством, — граф подавал вздох, — нужен еще разум. Общинное землемерие есть стадия только известного момента жизни народов. С развитием культуры и государства она неизбежно должна переходить в индивидуализм — индивидуальную собственность. Если же процесс задерживается и, в особенности, искусственно, то народ и государство хиреют. Вся жизнь народов основана на индивидуализме. Все народные отправления, его письма, картины основаны на индивидуализме. Все народные отправления, его письма, картины основаны на индивидуализме. Соответственно сему конструировалась и государство. «Я» организует и двигает все. Это «Я», особенно развитое в последние два столетия, дало всем великие и слабые стороны нынешней мировой жизни народов. Без преклонения перед «Я» не было бы ни народов, ни националов, не существовало бы чудес развития техники, богатства, торговли. Принцип индивидуальной собственности ныне слагается все экономические отношения. На этом принципе держится весь мир.

Взгляды графа Вите на жизнь, на тогдашнее государственное устройство оформились впоследствии в трехтомнике его воспоминаний. «Государство не может быть силь-

КОЛИ ПОЛОТЬ...

нического деления земли и всего имущества. Все за тем же — пробудить в крестьянине собственника, развить его предпринимательскую жилку. Но простое деление на пай не очень-то раскочегарило бывшего колхозника. Слабосильна тут лопатка с вилами, да и дивиденды вроде бы должны идти с пая. Но ни о каких выплатах никто в верхах и слышать ничего не хотел. Своя бы вроде земля и — не своя...

Добровольное объединение этих пав, создания акционерных обществ, товариществ тоже не дало рябца. Производство продолжало катиться под гору. За десять лет реформ (по данным НИИ сельского хозяйства и экономики ЦЧО) оно упало в среднем на Черноземье наполовину, а кое-где и вовсе сошла на нет.

Не привыкли надеяться и фермеры, решившие, как и американцы, жить без начальства, по своему хозяйственному разумению. Но сумасшедшие цены на технику, удобрения, горючее, дешевизна сбывающей продукции, — все это зажило фермера в такие тиски, что пришлось либо оповещать о своем несостоятельности, либо вообще бросать все на свет...

Когда-то этих фермеров в Воронежской области было за пятым десятком тысяч. Сейчас их по состоянию на 1 января 2001 года лишь 3686. И очень далеко им до американцев. Там — государственная поддержка фермерам, щадящие кредиты, услуги всех видов, цивилизованный суд и переработка всего выращенного, произведенного. Да и дорог в Америке нет таких разумных, какие остались у нас еще со времен Николая Басилевича Гоголя...

Такая дорога с рывинами, застарелыми болотными луками в лесных далах ведет в деревню Типчаники. Гоняет ветер по окрестным, замеревшим нивам и лугам сухие шары перекати-поле. Да и в самом селении негде задержаться ему теперь. Подпрыгнет степной покатух на выгоревшем солнца выгоно, помчится дальше транзитом — мимо обрывающихся стен бывшего скотного двора, мимо немой школы с выбитыми стеклами, мимо поко-

сившегося клуба, в котором культура уж лет десять не начевала, и, пробежав пустынную уличку, может быть зацепится у заброшенного в заросли пустырника омшаника.

Автобусы в Челчники не ходят. А уж о такси, загравших лимузинах и речи нет. Одолеть эту «фронтовую» дорогу под силу лишь шустрой «уазикам», да тракторы, горючее, дешевизна сбывающей продукции, — все это зажило фермера в такие тиски, что пришлось либо оповещать о своем несостоятельности, либо вообще бросать все на свет...

Бабка Ана с тридцатилетним стажем колхозной дядкой, рослая, ширококостная, привыкшая добродушно покрывать на коров, с той же незлобивой кривостью защищает эту дорогу от наездов «дачников» народов:

- Не срамите ее. Правильная дорога! Всю жизнь стояла ее районные начальники и сейчас опасаются повредить ее. Она широка, как путь к ее деревням, — сказал, когда-то ее племянник. Там — государственная поддержка фермерам, щадящие кредиты, услуги всех видов, цивилизованный суд и переработка всего выращенного, произведенного. Да и дорог в Америке нет таких разумных, какие остались у нас еще со времен Николая Басилевича Гоголя...

Такая дорога с рывинами, застарелыми болотными луками в лесных далах ведет в деревню Типчаники. Гоняет ветер по окрестным, замеревшим нивам и лугам сухие шары перекати-поле. Да и в самом селении негде задержаться ему теперь. Подпрыгнет степной покатух на выгоревшем солнца выгоно, помчится дальше транзитом — мимо обрывающихся стен бывшего скотного двора, мимо немой школы с выбитыми стеклами, мимо поко-

сившегося клуба, в котором

культура уж лет десять не начевала, и, пробежав пустынную

уличку, может быть зацепится у заброшенного в заросли пустырника омшаника.

Бабка Ана задумалась, вдохнула:

- Так что нет худа без добра. Ну, к лещему, этот асфальт! А то на ненароком выйдет вдруг из заграниценного своего лимузина дядя, да он спрашивает: ты, мол, бабка, как бы тебе бесспризорная, может, коме краузицей на омшаник или еще куда? А не желаешь — покликай друж! Нет уж, голубчик, — пусть лучше у нас художники живут. С ними-то оно — подушевнее, поспокойнее. А если еще не ночь пустырник цветочного завария, то и сон-тешитель, может быть, прижаложит.

- Отчего утешитель?

— спросил я.

- Да все от этих думок. От

печальностей. Как беспременно

обеспечить себя крестьянину,

как укрепиться ему, наконец,

в своей жизни. Коли полы

покупают землю...

— Век жили без асфальта и

— еще потерили. А то не

станет нам покоя от этих по-

жалож.

— Владимир ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ.

Живет село - живет Россия

Воробьевский КОРДОН

Пересекая границу района, лента шоссе сразу же попадает в тоннель из строенных тополей, тянувшихся до самого железнодорожного перехода у поселка Воробьевского. Когда-то они были посажены одновременно, вместе пошли в рост и сорвались, вытянутые «по струнке», как будто аккуратно прищеплены из неизвестных садовников, создают впечатление порядка во всем — раз и навсегда заведенного. Да и свежая зелень полей, и чернота пара из тополиных полосами подтверждают, что разбрасываться богатством, ими которому «земля», здесь не приучены. Пускай где-то склоняются на трудности времени, где-то делают плач и имущество, в страсти забытья, что всему начало — борозда, а щедрый урожай вырастет только из хорошего семени.

Уж как получилось, что восемнадцать лет назад на должность руководителя Оптико-производственного хозяйства (ОПХ) «Воробьевского», однокомнатного района пришел Иван Манжурин. Быть-то не допустилось... Однако только понял, что это единственный выбор, был сделан верный. Целый день потратил на то, чтобы побывать на улицах Воробьевского и Кашинского — села, также входящего в хозяйство, в мастерских, на мельнице и в поле. И сделали главный вывод: селение уважает своего лидера — он стоял же неподдельно от него, с тем, кто должен ему руководить. Иван Алексеевич удаётся балансировать на той струнке крестьянского характера, которая не дает народной молве превратить директора в человека, которого «все боятся», и в то же время, не позволяя пренебречь его указаниями. Напориски мы в тот день и «посидели в уголке» кабинета директора во время приема по личным вопросам... Каким образом Иван Манжурин чувствовал, где надо проявить твердость, а где снисходительность? Нет, мы не сменяли настроения. Скорее, здесь опытный глаз руководителя, для которого коллектив — что большая семья, закаленная годами совместной работы. Обиженные после разговора с директором мы не увидели...

В обеденный перерыв две молодые бухгалтерши из конторы «Воробьевского» пошли в магазин «за бананами». А юные школьницы смело шагнули в босоножках, хотя накануне прошел обильный дождь. За всеми этими, казалось бы, малозначительными деталями скрывается большое и важное дело, решить которое Иван Манжурин поставил себе за главную задачу еще в начале 80-х годов. Что такое грунтовая дорога на Воронежском черноземе — объяснять не нужно, ведь из дней тогда еще молодой директор стукнул кулаком по столу и заявил: «Надо вложить в землю!»

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!»

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

Больное место многих руководителей — животноводство. В «Воробьевском» головами немало: около 2000 крупного рогатого скота, есть свиньи, овцы. Вначале самостоятельно заглянули на ферму, поинтересовались: «Как прошла зимовка? Коровы хватало?»

— Добро прошла, и кормушки остались... — аккуратно отверли глаза в сторону пытавшихся на предмет зажигательности скотники. А в конце, Иван Манжурин, более категоричен: «Никуда не уеди! Одна тысяча тонн соли съедалась, даже сеня... 250 тонн! Нам же восполним!

